

Н.А. ТРОИЦКИЙ

АНТИНАПОЛЕОНОВСКИЕ КОАЛИЦИИ 1813–1815 гг.: СМЫСЛ, ЦЕЛИ, ХАРАКТЕР

Всем войнам за независимость, которые велись против Франции,
свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности

К. Маркс¹

Оценка наполеоновских войн, вынесенная в эпиграф к моей статье, дана мыслителем, репутация которого у нас в стране претерпела удивительную метаморфозу. В Советском Союзе К. Маркс слыл непогрешимым гением, тогда как на Западе он терялся среди многих – выдающихся, но не гениальных, – умов. Теперь же, в постсоветской России, он развенчан и принижен так, что даже цитировать его стало зазорным, а между тем по итогам вселенского опроса интеллектуальной элиты, который провела в 1999 г. авторитетнейшая на Западе телекомпания Би-би-си, именно Маркс занял первое место среди величайших мыслителей человечества за 100 лет².

Глубина и неоспоримость марксовой оценки всех войн против наполеоновской Франции для меня очевидны. Речь идет именно *обо всех*

этих войнах, включая самые агрессивные, самые несправедливые со стороны Наполеона – с Испанией в 1808–1813 гг. и с Россией в 1812 г. По большому счету, испанцы и россияне защищали тогда от Наполеона не только свою национальную независимость. Испанцы защищали от Кодекса Наполеона (Code Napoleon), бывшего тогда, в оценке (совершенно справедливой) того же Маркса, «бесконечно выше всех существовавших кодексов»³, феодально-клерикальный режим, королевский абсолютизм, инквизицию, а россияне – царское самодержавие и крепостное право, при котором почти 70 % населения, а именно помещичьи крестьяне, вообще не считались за людей, их можно было законно покупать и продавать, дарить, менять на собак, проигрывать в карты, калечить и даже (правда, уже не по закону) убивать⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 436.

² Об итогах этого опроса оповестили человечество фактически все мировые печатные и электронные СМИ и даже (сквозь зубы) некоторые российские, включая ЦТ.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 564.

⁴ См. впечатляющую и, к сожалению, малоизвестную публикацию документов: Ужасы крепостного права в царствование Александра Благословенного // Русский архив. 1907. № 9.

Вторгаясь в чужие страны, разоряя их контрибуциями, Наполеон уничтожал в них и феодальную рухлядь – разрушая средневековые режимы, отменял дворянские и церковные привилегии, освобождал крестьян от пут крепостничества, вводил свой – самый прогрессивный в то время – Гражданский кодекс. «В десять лет он подвинул нас целым веком вперед», – сказал о нем М.Ю. Лермонтов⁵.

Но трагедия Наполеона и всей Европы заключалась в том, что свои передовые законы и установления он навязывал чужим народам силой, «жаловал» им цивилизацию на штыках своих солдат. В результате он «додразнил другие народы до дикого отпора, и они стали отчаянно драться за свои рабства и за своих господ»⁶.

Естественно, столь неоднозначные явления, как наполеоновские войны и, стало быть, антинаполеоновские коалиции, заслужили у современников, участников событий и позднейших историков пеструю гамму оценок – от полярно противоположных до нейтральных.

В царской и советской России самым авторитетным был взгляд на антинаполеоновские войны и коалиции 1813–1815 гг. как на освободительные. Такого взгляда держались большей частью (по моей выборке) российские участники и современники войн, из которых «всякий хотел быть историографом», хотя бы в «изустных преданиях»⁷. Не говоря уже о придворно-официозных мемуаристах из числа участников событий, вроде А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина, А.И. Михайловского-Данилевского (будущего историка) и К.В. Нессельроде, даже многие, хотя и не все, декабристы считали, что россияне «изгнали лютого виновника бедствий Европы» и «теперь, кажется, слышен в небесах голос самого Бога, вещающий Александру первому: «Гряди освободить Европу!»⁸; «Россия была спасена, но для императора Александра этого было мало; он двинулся за границу со своим войском для освобождения народов от общего их

притеснителя»⁹; «Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для завладения оными, а для их спасения»¹⁰; «Наш августейший император распоряжается Европой и всем миром» в интересах «равновесия в Европе» и «всеобщего мира»¹¹; «Вождь мир дарован им (Александром I. – Н.Т.) вселенной, и весь род человеческий об Александре радуется»¹² и т.д.¹³

Подобным же образом судили о характере заграничных походов 1813–1815 гг. и столь разные современники, как Н.М. Карамзин и сенатор Н.С. Мордвинов, С.Н. Глинка и фрейлина царского двора графиня С. Шуазель-Гуффье, граф Ф.П. Толстой и Н.И. Греч¹⁴.

Научно же (и официально – по высочайшему повелению Николая I!) «обустроил» версию об освободительных войнах против Наполеона – и до, и после 1812 г. – генерал и академик А.И. Михайловский-Данилевский, который в официальных кругах слыл «Гомером русской Илиады»¹⁵, а в неофициальных – «лакеем» и «баснописцем»¹⁶. Вот основополагающая идея его трудов о заграничных походах россиян 1813–1814 гг.: «Одержав совершенное торжество над

⁹ Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 77.

¹⁰ Норов В.С. – матери 14 февраля 1813 г. // К чести России: Из частной переписки 1812 г. М., 1988. С. 198.

¹¹ Муравьев А.Н. Соч. и письма. Иркутск, 1986. С. 193–194.

¹² Штейнгейль В.И. Соч. и письма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 74.

¹³ См.: Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политич. соч. Письма. М., 1963. С. 24; Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революц. деятельности Иркутск, 1983. Т. 2. С. 342; Свистунов П.Н. Соч. и письма. Иркутск, 2002. Т. 1. С. 175.

¹⁴ См.: Карамзин Н.М. – брату 13 июня 1814 г. // К чести России. С. 208; Мордвинов Н.С. – генералу Н.О. Кутлубицкому 8 мая 1814 г. // Там же. С. 207; Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных путешествиях от исхода 1812 до половины 1815 г. СПб., 1837. С. 136–138; Шуазель-Гуффье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 1912. С. 132, 149; Записки гр. Ф.П. Толстого // Русская старина. 1873. № 2. С. 138–139; Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 212–213.

¹⁵ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 210.

¹⁶ Волконский С.Г. Записки. СПб., 1901. С. 329; Давыдов Д.В. Соч. М., 1962. С. 491; Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 225.

⁵ Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: [В 4 т.]. М.; Л., 1959. Т. 4 С. 15.

⁶ Герцен А.И. Собр. соч.: [В 30 т.]. М., 1957. Т. 11. С. 245.

⁷ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 170.

⁸ Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 49, 230.

врагом, монарх России, не отлагая оружия, переступил немедленно за пределы своего государства; Россия была спасена, но он хотел спасти другие державы и шел даровать им свободу. Поэтому война 1813 г. неразрывно связана с нашей Отечественной войной и была непосредственным ее следствием», а поход во Францию 1814 г. стал «продолжением похода 1813 г.» с теми же целями¹⁷.

Закрепил эту версию другой официальный историк – тоже генерал и заслуженный профессор Академии Генштаба М.И. Богданович, ключевая мысль которого сформулирована так: «Русский монарх, руководясь побуждениями врожденного ему великодушия», освободил Европу от «полчищ завоевателя» Наполеона¹⁸.

Официальная версия оставалась господствующей в российской историографии вплоть до 1917 г. Ее усиленно внедряли в сознание россиян дворянские историки, такие, как В.К. Надлер (автор пятитомника об Александре I) и Н.К. Шильдер (сочинивший 4-томную биографию Александра I): «освобожденная Европа с русским императором во главе [...] низложила тирана (Наполеона. – Н.Т.) с незаконно захваченного трона и освободила французский народ от постыдного ярма деспотизма»¹⁹; «освобождение Европы от французского ига» – это «бескорыстный подвиг» Александра I²⁰. Но даже иные светила либерально-буржуазной историографии (в том числе величайший российский историк С.М. Соловьев, а также С.Ф. Платонов и А.А. Корнилов) отдавали дань приятия этой версии. Так, Соловьев называл «подвигом» содеянное-де царской Россией «освобождение Европы от Наполеона»²¹, а Платонов и Корнилов, повторяя коронный тезис официальных историков о том, что с 1813 г. «Россия начала войну за освобождение Европы», утверждали, что даже Священный союз монархов

Александр I создавал «с искренним желанием внести в политическую жизнь умиротворенной Европы начала христианской любви и правды»²², «мира и братства»²³. При этом ни Соловьев, ни Платонов, ни Корнилов не раскрывали агрессивных (раздел Европы) и реакционных (восстановление феодализма, крепостничества, инквизиции) целей антинаполеоновских коалиций.

В советское время после недолгого господства в исторической науке т.н. «школы М.Н. Покровского» (об ее взглядах на коалиции 1813–1815 гг. речь впереди) историки большей частью, во главе с официально выдвинутыми, фактически вернулись к охранительно-дворянской оценке коалиций, лишь поменяв местами главных героев коалиционных войн: до 1917 г. то был российский *монарх*, теперь – российская *армия* и даже (как ура-патриотический перегиб) *народ* российский.

Характерно, однако, что даже признанные верховоды официального направления в советской историографии 1912 года генерал П.А. Жилин и полковник Л.Г. Бескровный, хотя они при случае не гнушались ни домыслами, ни подлогами, лишь бы подать любой факт и подсчитать любую цифирь «в нашу пользу», осторожно читали в прославлении антинаполеоновских коалиций, ибо слыли марксистами и вынуждены были учитывать суждения К. Маркса и, главное для них, В.И. Ленина. Ведь Ленин, оценивая коалиционные войны 1805–1815 гг., ставил *в один ряд* «грабителя Наполеона, грабителя Александра I, грабителей английской монархии» (в другом месте назвал российского, прусского и австрийского монархов «тремя коронованными разбойниками»²⁴).

Разумеется, и Бескровный, и Жилин, и длинный ряд их единомышленников (академики А.Л. Нарочницкий и В.М. Хвостов, Н.С. Киняпина, С.Б. Окунь и др.) не жалели слов во славу «освободительного похода русской армии» 1813 г. как «прямого продолжения Отечествен-

¹⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 г. СПб., 1840. Ч. 1. С. V; Он же. Описание похода во Франции в 1814 г. СПб., 1836. Ч. 1. С. 2–3.

¹⁸ Богданович М.И. История войны 1813 г. за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. 1. С. IV, VII.

¹⁹ Надлер В.К. Император Александр I и идея Священного Союза. Рига, 1888. Т. 4. С. 130.

²⁰ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 137, 138.

²¹ Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. М., 1995. Кн. 17. С. 411; М., 1995. Кн. 18. С. 504.

²² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 662, 665. Курс лекций Платонова выдержал с 1899 до 1917 г. 10 изданий.

²³ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 97, 100. Курс лекций Корнилова впервые был прочитан в 1909–1910, а издан в 1912 г.

²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 89, 90; Т. 36. С. 110.

ной войны 1812 г.), что, дескать, привело «к извращению народов Европы от гнета Наполеона и обеспечило им независимое национальное развитие»²⁵. Но при этом они, как правило (и вскользь), оговаривались, что войны 1813–1815 гг. носили «сложный и противоречивый характер», поскольку «правители Европы» преследовали наряду с освободительными «реакционные, завоевательные цели».

К концу 1980-х годов, в период т.н. «перестройки», когда идеологическая цензура явно слабела, усилились, как ни странно, ура-патриотические ноты в оценке наполеоновских войн. «Повсюду стали слышны речи» о том, что «русский народ спас Европу от французского владычества», от «брани и разорения», воплощенных в Наполеоне, обеспечил ее «свободное существование» и «всеобщее благоденствие»²⁶. Всех превзошел некто В. Корда – автор биографического очерка о герое 1812 года П.П. Коновнице. Вот его взгляд на коалиционные войны в Европе 1805–1815 гг., растиражированный издательством «Молодая гвардия» в 200 тыс. (!) экземпляров: «Распутная девка Франция породила достойное себя дитя – чудовище Наполеона» («выскачку, безродного и безнравственного проходимца», «ничего собою не представлявшего») и, вообще, олицетворяла собою «мрак» и «мировое зло», а царская, крепостническая Россия – «свет, который неизбежно, при любых обстоятельствах (?! – Н.Т.) она несет миру». Естественно, в коалиционных войнах 1805–

1815 гг. «свет» царской России победил «мрак» наполеоновской Франции²⁷.

В постсоветской России перепев дворянско-советских охранительных взглядов на коалиционные войны 1813–1815 гг. стал еще сильнее: появились оценки, напоминающие собою гибрид А.И. Михайловского-Данилевского с П.А. Жилиным. Так, Ю.Н. Гуляев и В.Т. Соглаев цитируют как непреложную истину (без комментариев) мартовское 1813 г. воззвание М. И. Кутузова о том, что «священной и бескорыстной (? – Н.Т.) целью» антинаполеоновской коалиции является «возвращение свободы и независимости» народам Европы²⁸. Развивая эту мысль, В.Г. Сироткин объявил достигнутой целью коалиционеров «всеобщий дипломатический союз» и даже «союз монархов и народов». При этом он похвалил Александра I за то, что царь «в отместку за Москву» не приказал сжечь дотла Париж²⁹, – похвала более чем странная, если учесть, что Москву сожгли (на 2/3) сами россияне, а французы сжигать свой Париж не захотели.

В том же духе славят антинаполеоновские коалиции полулитературовед – полуисторик А.Н. Архангельский и «мародер от истории» А.В. Шишов³⁰. Первый из них, говоря об итогах кампаний 1813–1814 гг., лишь копирует мысль и даже выпендренно-верноподданническую фразеологию А. И. Михайловского-Данилевского: «Европа устремляла на русского царя взор, исполненный любви и благодарности; с ее рук падали разорванные цепи, что означало совершенное избавление от наполеоновского ига»³¹. Что касается Шишова, то он поступил еще проще:

²⁵ Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М., 1988. С. 332, 334, 372; Он же. Фельдмаршал М.И. Кутузов. М., 1988. С. 255; Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX века. М., 1974. С. 126; Нарочницкий А.Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой // Вопросы истории. 1979. № 4. С. 80–81; Бессмертная эпопея: Сб. статей В.М. Хвостова, Б.С. Абалихина, В.А. Дунаевского и др. М., 1988. С. 21–22, 57, 262–263; Кинятина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963. С. 85–90, 92; Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Л., 1978. Ч. 2. С. 60–61; Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1981. С. 206.

²⁶ Карпец В. Ф.Н. Глинка // Герои 1812 года: Сб. М., 1987. С. 477; Волк С.С., Михайлова С.Б. [Вступ. статья] // России двинулись сыны. М., 1988. С. 11; Рязанов Н.И. [Послесловие] // М.И. Кутузов. Письма. Записки. М., 1989. С. 560.

²⁷ Корда В. П.П. Коновницын // Герои 1812 года. С. 250, 255, 256.

²⁸ Гуляев Ю.Н., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов. М., 1995. С. 353, 367.

²⁹ Сироткин В.Г. Дипломатический финал в Париже // От Малоярославца до Парижа (1812–1814). Малоярославец, 1998. С. 4, 7. В другом месте (Сироткин В.Г., Козлов В.Т. Традиции Бородин: память и памятники. М., 1989. С. 23) Сироткин и его соавтор выразили желание «поклониться праху Моро», то есть французского генерала Ж.В. Моро, выступившего в 1813 г. на стороне коалиционеров против Франции.

³⁰ См. о нем: Мародер от истории // Родина. 2002. № 8. С. 115; Осторожно – плагиат! // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 171–175.

³¹ Архангельский А.Н. Александр I. М., 2000. С. 235.

списал значительную часть совместного труда Ю.Н. Гуляева и В.Т. Соглаева, включая их генеральный тезис о том, что в 1813 г. начался «заграничный поход русской армии за освобождение Европы от наполеоновской оккупации»³² (без каких-либо комментариев).

Гораздо более серьезный, чем шишовы, исследователь В.М. Безотосный, и тот благостно, в Ia Михайловский-Данилевский, характеризует антинаполеоновские коалиции и Священный союз 1815 г. как строителей системы «мирного сосуществования» народов, основанной, якобы, «на нравственных заветах христианства»³³. Не удивительно, что в самом авторитетном из современных вузовских учебников по истории России XIX века декларируется: «Война 1812 г. имела большое международное значение, положив начало освобождению народов в Центральной и Западной Европе»³⁴ – и все! Без разъяснений, какому освобождению, от чего и ради чего!

В зарубежной литературе апология коалиций 1813–1815 гг. гораздо слабее. Собственно, лишь в странах, воевавших с Наполеоном, она, пожалуй, доминирует. Так, в Германии начало ей положил И.Л. Клюббер³⁵, а продолжили ее и западногерманские историки вроде К. Типпельскирха, и В. Андреаса³⁶ и особенно дружно – ис-

следователи из бывшей ГДР, которые освещали наполеоновские войны в унисон с официальной советской историографией³⁷.

В Англии, которая была главным и самым непримиримым врагом наполеоновской Франции, до последнего времени решительно преобладала апология антинаполеоновских коалиций с подчеркиванием решающей роли в них именно английского компонента. Одним из родоначальников такой концепции выступил популярнейший исторический романист Вальтер Скотт. В 1827 г. он издал 9-томную (!) биографию Наполеона, где лакировал антинаполеоновские коалиции, боровшиеся будто бы «лишь против его (Наполеона – Н.Т.) захватнических устремлений» с целью «воссоздания европейского равновесия, при котором крупнейшие державы Европы договорились бы о взаимных гарантиях своей свободы и независимости»³⁸.

Так же трактуют коалиции очень многие английские исследователи, вплоть до новейших. Эдит Саундерс (кстати, столь же ярая ненавистница Наполеона, сколь почитательница Л.Н. Толстого) полагает, что Наполеон поверг Францию в «ужасное *debacle*» (т.е. крах, разгром); коалиционеры же заботливо вернули Франции Людовика XVIII, а он «даровал стране мир и свободу», да и Наполеону союзники обеспечили «вполне сносное изгнание»³⁹.

Своеобразно подошел к нашей теме Десмонд Сьюард. Он не вникает в цели антинаполеоновских коалиций, но самого Наполеона выставляет таким чудовищем в Ia Гитлер («начал уничтожение христианской Европы», сражаясь «за свою империю» – надо полагать, антихристову)⁴⁰, что все боровшиеся против Наполеона коалиции предстают миролюбивыми и прогрессивными. К чести Сьюарда, однако, он «дает слово» и своим оппонентам: У. Черчилль «само

³² Шишов А.В. Неизвестный Кутузов. М., 2001. С. 307–308. Ср.: Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. Указ. соч. С. 349.

³³ Безотосный В.М. Два императора // Родина. 2002. № 8. С. 9. Ту же мысль Безотосный, А. А. Смирнов и др. ранее выразили словами... Александра I: «Мы [...] возвратили Европе свободу ее и независимость [...] Да водворятся на всем шаре земном спокойствие и тишина!» (Русская армия 1812–1814 гг. М., 1999. С. 7). Иные из постсоветских историков усматривают в «доктрине священного Союза» и «благородство», и «высокий гуманистический пафос» (Дегоев В.В. Александр I и проблема европейского согласия после Венского конгресса // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 131).

³⁴ История России XIX – начала XX вв.: Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В. А. Федорова. 3-е изд. М., 2002. С. 55.

³⁵ Klüber J. L. Vebersicht der diplomatischen Verhandlungen des Wiener Kongresses... Fr/M., 1816. S. 3–4.

³⁶ Tuppelскирх К. История второй мировой войны. М., 1956. С. 571; Andreas W. Das Zeitalter Napoleons und die Erhebung der Völker. Heidelberg, 1955. S. 577.

³⁷ Подробнее об этом см.: Канн С. Б. Освободительная война 1813 г. в немецкой исторической литературе // Вопросы истории. 1955. № 2; Зак Л. А. Новые работы историков ГДР о войне за освобождение Германии от наполеоновского господства // Новая и новейшая история. 1964. № 5.

³⁸ Скотт В. Жизнь Наполеона Бонапарта. М., 1995. Т. 2. С. 206, 279, 291.

³⁹ Сандерс Э. Сто дней Наполеона. М., 2002. С. 6, 11, 319, 333.

⁴⁰ Сьюард Д. Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995. С. 321, 367, 370.

сравнение Гитлера с Наполеоном считает богохульством», а голландский профессор П. Гейл, хотя и ненавидел Наполеона, признался, что «при упоминании имени императора рядом с именем фюрера чувствует себя виноватым и хочет просить у Наполеона прощения»⁴¹.

В англоязычных США, как правило, преобладала английская историографическая традиция. Для нашей темы, может быть, самый характерный пример – монография Т. Стивена, под пером которого Наполеон проводит «экспансионистскую» политику, а коалиционеры борются с ним за создание «системы коллективной безопасности»⁴². Таковы же по смыслу изданные в США труды эмигранта из Польши Л. Страховского (панегирик доброму Александру I, который победил злого Наполеона)⁴³ и российского эмигранта А.А. Лобанова-Ростовского⁴⁴.

Что касается Франции, то здесь лишь идейные противники Наполеона, вроде буржуазного республиканца П. Ланфре, социалиста (близкого к марксизму) Ж. Лефевра и коммуниста Э. Терзена⁴⁵, оправдывают идеи и действия европейских коалиций в борьбе с Наполеоном как освободительные.

Обратимся ко второму, полярно противоположному направлению в историографии наполеоновских войн. Оно менее представительно, но столь же притягательно и живуче. В России уже некоторые участники войн с Наполеоном (среди них – и будущие декабристы) взяли под сомнение освободительный характер и самую целесообразность заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. Денис Давыдов считал даже, что после изгнания Наполеона «в России никто уже не ожидал войны, по крайней мере, такую она вновь явилась. Скажу более: общее предугадание клонилось к миру»⁴⁶. Поскольку же война 1813 г. началась, поручик А.В. Чичерин (сын боевого генерала, друг и однополча-

нин будущих декабристов И.Д. Якушкина, М.И. Муравьева-Апостола, С.П. Трубецкого) усомнился в ее освободительном характере: «Все грабят и тащат наперегонки и похваляются этим [...] Кто же эти варвары? Это мы, русские...»⁴⁷. Декабрист Н. В. Басаргин вспоминал о коалициях 1813–1815 гг. так: победив Наполеона, «главы правительств» начали «делить Европу как свое достояние»⁴⁸, а другой декабрист А. В. Поджио подытожил воспоминания о том времени еще более критически: «Александр образует Священный Союз. Охранение прав царских и бесправия народов служило основанием этому Союзу, равно бесчеловечному и безрассудному»⁴⁹.

В научной литературе критически оценить антинаполеоновские коалиции 1813–1815 гг. и роль в них царской России, лично Александра I рисковали до 1917 г. видные либерально-буржуазные исследователи. Самым авторитетным из них был В. О. Ключевский. В одной из последних лекций своего знаменитого «Курса русской истории», датированных 1907–1911 гг., он выразился живописно и резко: «Александр I, прошедший по Европе *со знаменем* (курсив мой. – Н.Т.) освободителя Европы, спасителя государей и народов от французского гнета» стал на деле «вооруженным сторожем выставленных им реакционных порядков», «караульным часовым чужих престолов против народов»⁵⁰. А.К. Дживелегов писал о том же с меньшей картинностью, но с еще большей резкостью. Соглашаясь с Г. Гейне в том, что «битву при Ватерлоо проиграло человечество», он иронизировал над «тщеславным решением Александра «освободить Европу»» и оценивал режим Священного союза как «самое беспросветное угнетение», «реставрационную вакханалию», «шит феодальной реакции»⁵¹.

Такая позиция была закреплена в 7-томнике «Отечественная война и русское общество» (1911–1912 гг.), который стал высшим достиже-

⁴¹ Там же. С. 8–9.

⁴² *Steven T.* European diplomatic History 1789-1815. France against Europe. New-York, 1969. P. 248, 249.

⁴³ *Strachofsky L.* Alexander I of Russia. The Man, who defeated Napoleon. New-York, 1947.

⁴⁴ *Lobanov-Rostovsky A. A.* Russia and Europe 1789–1825. New-York, 1968. P. 80–81, 84.

⁴⁵ *Ланфре П.* История Наполеона I. СПб., 1870–1877. Т. 1–5; *Lefevre Y.* Napoléon. P., 1935, 1947; *Tersen E.* Napoléon. P., 1959.

⁴⁶ *Давыдов Д.В.* Соч. М., 1962. С. 427.

⁴⁷ *Чичерин А.В.* Дневник. М., 1966. С. 188.

⁴⁸ *Басаргин Н.В.* Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск, 1988. С. 55.

⁴⁹ *Поджио А.В.* Записки. Письма. Иркутск, 1989. С. 91. О том же см.: *Фонвизин М.А.* Соч. и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 179.

⁵⁰ *Ключевский В.О.* Соч.: [В 9 т.]. М., 1989. Т. 5. С. 422, 427.

⁵¹ *Дживелегов А.К.* Александр I и Наполеон: Исторические очерки [публиковавшиеся ранее в различных изд.]. М., 1915. С. 238, 248, 268.

нием либерально-буржуазной и всей дореволюционной историографии «Двенадцатого года». Кстати, А.К. Дживелегов был одним из трех (наряду с В.И. Пичета и С.П. Мельгуновым) редакторов 7-томника, авторский коллектив которого составляли более 60 ученых, в том числе В.И. Семевский, И.В. Лучицкий, М.И. Туган-Барановский и еще пять (кроме В.И. Пичеты) будущих академиков: В.П. Волгин, Ю.В. Готье, Н.И. Кареев, М.К. Любавский, Е.В. Тарле.

Избегая оценок конкретных действий русской армии 1813–1815 гг., авторы 7-томника дали убийственную характеристику планам и, особенно, результатам усилий антинаполеоновских коалиций: Александр I маскировал «политические, крайне реакционные планы» суесловием о «божественном характере своего дела»; все вожди коалиций и участники Священного союза – «убежденные реакционеры, в этом отношении их объединяло общее политическое мировоззрение», что не исключало, однако, острых разногласий между ними при дележе плодов их победы над Наполеоном: «Александр не мог, конечно, желать усиления политического веса Австрии и Пруссии (в другом месте названа и Англия. – Н.Т.) в ущерб России»⁵².

Отвергая охранительно-дворянскую концепцию освободительной борьбы коалиционеров против «угнетателя Наполеона», авторы 7-томника ударились в противоположную крайность, явно преувеличив прогрессивное начало в борьбе Наполеона против феодальных монархий. Один из редакторов издания В.И. Пичета (будущий академик АН СССР) возможный исход даже Отечественной войны 1812 г. расценил таким образом: «Победа России – это не только победа одной нации над другой, это разгром революционной Франции, разгром демократии и торжество старого порядка»⁵³.

После 1917 г., в первые полтора десятилетия советской власти, когда общепризнанным главой наших историков был академик М.Н. Покровский, доминировала его оценка антинаполеоновских коалиций, принципиально не отличавшаяся от либерально-буржуазной. Цель коалиций 1813–1815 гг. Покровский усматривал в «сметении без остатка всех результатов великой

(Французской. – Н.Т.) революции», а смысл деятельности Священного союза, вопреки его учредительному акту, «до тошноты пропитанному ханжеским духом», – в «военно-полицейском надзоре за всеми европейскими народами»⁵⁴. Специальных трудов о заграничных походах и даже об Отечественной войне 1812 г. в СССР до 1937 г. не было⁵⁵. В общих же курсах отечественной истории повторялись тезисы Покровского⁵⁶.

В преддверии Великой Отечественной войны Советского Союза с фашистской Германией, в ходе войны и, особенно, после нее, когда под воздействием архипатриотической пропаганды и прямых указаний сверху⁵⁷ возобладала в СССР лакировочная (близкая к официально-дворянской) оценка всех вообще антинаполеоновских коалиций, критика их вновь стала редкостью. Но с такой критикой выступал один из самых авторитетных в мире знатоков наполеоновской темы и самый выдающийся, по-моему, из всех советских историков Е.В. Тарле. Он не обольщался прогрессивным началом в деятельности Наполеона: «все усилия объяснить непрерывное двадцатилетнее кровопролитие исключительно необходимостью «защищаться», все старания (особенно этим отмечены французские историки) обелить некоторые черные дела, неразрывно связанные с именем Наполеона, совершенно бесплодны»⁵⁸. С другой стороны, по словам Тарле, Наполеон очищал Европу от «гнилья» феодализма, и не случайно народные массы Франции «в самые критические моменты» поддерживали его режим, сознавая, что он для них

⁵⁴ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М., 1924. С. 74, 81, 82.

⁵⁵ Первая в советское время монография о войне 1812 г. появилась в 1937 г.: Свечников М.С. Война 1812 г. Бородино. М., 1937.

⁵⁶ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). Л.; М., 1924. Т. 10. С. 56; Пионтковский С.А. Очерки истории СССР XIX и XX вв. М.; Л., 1935. С. 15; Ванаг Н.Н. Краткий очерк истории народов СССР. М., 1932. Ч. 1. С. 81.

⁵⁷ В первую очередь – это статья И. В. Сталина с критикой труда Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (Большевик. 1941. № 9) и его же ответ на письмо полковника Е.А. Разина (Там же. 1947. № 3).

⁵⁸ Тарле Е.В. Соч.: [В 12 т.]. М., 1959. Т. 7. С. 397.

⁵² Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 7. С. 21, 58, 59.

⁵³ Там же. Т. 2. С. 32.

«выгоднее, чем затхлое дворянско-феодалное старье, которое везли к ним фургоны вслед за армиями союзников»⁵⁹.

Те же мысли Тарле проводил в 5-й главе 1-го тома «Истории дипломатии», где, кстати, автор 4-й главы С.Б. Кан тоже обличал «реакционные и корыстные цели монархических правительств Европы, прикрывавшихся громкими фразами об освобождении континента от [наполеоновской] тирании»⁶⁰. Такова же позиция Л.А. Зака⁶¹.

Более осторожно, корректируя генеральный постулат К. Маркса, квалифицировал коалиции 1813–1815 гг. А.З. Манфред: «Если в 1812, 1813, даже в начале 1814 г. война против наполеоновского господства была исторически прогрессивной – она освобождала народы Европы от чужеземного гнета, то с момента, когда союзные армии двинулись на Париж, [...] война стала реакционной, несправедливой со стороны союзников»⁶².

В постсоветской историографии критиковать антинаполеоновские коалиции не принято. Лишь в единичных случаях авторы позволяют себе клеймить «беспощадную политическую реакцию и мракобесие» победителей Наполеона⁶³.

Зато в зарубежной литературе остро критические оценки коалиций с оправданием или даже прославлением Наполеона доминируют. Здесь немалое воздействие на историков оказывают величайшие гении мировой литературы – не только французской (В. Гюго, О. Бальзак, Ф. Стендаль), но и прочей: И.В. Гете, Г. Гейне, Д. Байрон, А. Мицкевич.

Гюго славил Наполеона в таких выражениях: «Этот человек, сперва бывший звездой нации, со временем превратился в ее солнце», хотя

при этом «он пробежал пути и славы, и порока»⁶⁴. Бальзак вложил в уста своих героев и восхищение наполеоновским «полетом орла» с Эльбы в Париж («Это было самое большое из божьих чудес, – ну кто бы еще мог захватить целую империю, только шляпой помахав?»), и посрамление торжества VII коалиции над Наполеоном («Разбили его при Ватерлоо лишь оттого, что он больше, чем человек, – тяжел он был для земли, и земля разверзлась под ним, вот и все»)⁶⁵. Стендаль, считавший Наполеона «величайшим из людей», хотя и с «душою тирана», оправдывал все его войны («он не был зачинщиком ни одной из них») – «за исключением испанской войны»⁶⁶.

Литературные гении Англии, Германии, Польши разделяли столь апологетическое отношение к Наполеону (иногда даже в еще более сильных выражениях). Адам Мицкевич славил и самого Наполеона как «величайшего полководца революции», «всеобщую демократию, ставшую властью», и даже его нашествие на Россию: «С Наполеоном Бог, и мы с Наполеоном!»⁶⁷.

Так же безоговорочно возвеличивал Наполеона как «квинтэссенцию человечества» И.В. Гете⁶⁸, а Г. Гейне, для которого Наполеон был «божеством с головы до пят», воспел наполеоновских «Гренадеров», обесславил герцога А. Веллингтона как «глупого призрака» и подверг убийственной критике труд Вальтера Скотта о Наполеоне («поношение Бога, которого он не понял», «кощунство и глупости»); победу же коалиционных монархий над Наполеоном воспринял так: «Вся Европа сделалась Святой Еленой, а Меттерних – ее Гудсоном Лоу»⁶⁹.

⁶⁴ Гюго В. Собр. соч.: [В 15 т.]. М., 1953–1956. Т. 12. С. 82, 169, 233; Т. 15. С. 12–13.

⁶⁵ Бальзак О. Собр. соч.: [В 24 т.]. М., 1960. Т. 17. С. 55, 156.

⁶⁶ Стендаль. Собр. соч. М., 1949–1950. Т. 14. С. 152, 153; Т. 15. С. 326.

⁶⁷ Мицкевич А. Собр. соч.: [В 5 т.]. М., 1954. Т. 5. С. 129, 221; Он же. Стихотворения, поэмы. М., 1968. С. 649.⁶⁸ Эккерман И.П. Разговоры с Гете. М., 1986. С. 173, 329, 551, 604.

⁶⁹ Гейне Г. Собр. соч.: [В 10 т.]. М., 1956. Т. 1. С. 32–33, 345–346; Т. 4. С. 384, 422–423, 424. Гудсон Лоу (1769–1844) – английский губернатор острова Святой Елены, главный тюремщик Наполеона. Что касается австрийского канцлера К.В.Л. Меттерниха, то он после изгнания Наполеона оспаривал у Александра I в глазах европейской общественности роль «кучера Европы».

⁵⁹ Там же. С. 395, 399.

⁶⁰ История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 489, 499.

⁶¹ См.: Зака Л.А. Монархи против народов. М., 1966. С. 30.

⁶² Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. 3-е изд. М., 1980. С. 722–724.

⁶³ См.: Бешанов В.В. 60 сражений Наполеона. Минск, 2000. С. 507; Ревуненков В.Г. Взлет и падение Наполеона Бонапарта. СПб., 2001. С. 161–163; Понасенков Е.Н., Сироткин В.Г. Наполеоновские войны и русская кампания 1812 г. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2001. С. 69–70 и др. (как уведомил меня студент 4-го курса МГУ Е.Н. Понасенков, вся эта статья написана им, а проф. В.Г. Сироткин лишь изъясил из нее три страницы текста и приписал к ее публикации «свои регалии»).

Несколько сложнее был путь к Наполеону у Д. Байрона. Если в мае 1814 г. он упрекал императора («жаждой самовластья твоя душа была полна»), то с весны 1815 г. в стихотворениях «На бегство Наполеона с острова Эльбы» и «Прощание Наполеона» сочувствовал ему⁷⁰, а в политической сатире на Священный союз «Бронзовый век» восславил смертельного врага Англии как «лучшего отпрыска Земли»⁷¹. Итогом битвы при Ватерлоо Байрон счел «насилья торжество»: он осуждал и высмеивал всю «святую тройку» и отдельно «Александра лысого» (т.е. Александра I), скотливших Священный союз «тиранов и царей», кумира английской аристократии А. Веллингтона («Почти что отлупили Веллингтона / Да подоспели прусские колонны», «Рестаурации в угоду / Ты спас легитимизма костыли») и, особенно, главу военного и внешнеполитического ведомств Англии, одного из воротил VI и VII антинаполеоновских коалиций Г.Р.С. Каслри («проклинаемый всеми подлец и тиран») ⁷².

У историков такая апология Наполеона сильнее всего проявляется, естественно, во Франции. Классическими примерами служат: для XIX века – многотомник А. Тьера, где всячески превозносится революционное и освободительное начало в политике Наполеона, на которого-де все время нападали реакционные и агрессивные монархи Европы⁷³, а для XX века – многотомники Э. Дрио и Л. Мадлена, которые отчасти повторили, а частично даже утрировали основные тезисы Тьера⁷⁴. Впрочем, с главным из этих тезисов (а именно: феодальные монархии были несоизмеримо более реакционны и агрессивны, чем Наполеон) соглашались и великие историки А. Сорель и А. Вандаль (в меньшей степени А. Дебидур) в

прошлом⁷⁵ и авторитетнейший наполеоновед Ж. Тюлар в наши дни⁷⁶.

Историки других стран, склонные оправдывать Наполеона в его борьбе с феодальными коалициями, делают это, как правило, не столь напористо, с оговорками. Пожалуй, единственное исключение представляет канадский ученый Бен Вейдер – основатель и президент Международного наполеоновского общества, убежденный в том, что Наполеон «за всю свою жизнь не развязал ни одной войны; все его войны были навязаны ему монархами, которые властвовали тогда в Европе»⁷⁷.

В немецкой историографии наиболее авторитетными критиками антинаполеоновских коалиций можно считать Ф. Меринга и Г. Дельбрюка (оба они, особенно первый, переоценивали прогрессивное начало в борьбе Наполеона с коалициями)⁷⁸, а в английской – трех современных исследователей: Д. Чандлера, Ч. Исдейла и Р. Делдерфилда.

Чандлер согласен с теми, кто считает Наполеона «величайшей личностью всех времен», а сравнение императора с Гитлером прокомментировал («в пику» своему соотечественнику Д. Сьюарду) так: «Ничто не может быть более унижительным для первого и более лестным для последнего». Что же касается европейских коалиций против Наполеона, то Чандлер убежден: «За исключением случаев с Португалией (1807), Испанией (1808) и Россией (1812), обычно на него нападали»⁷⁹. Исдейл идет еще дальше: коалиции 1813–1815 гг. «повернули часы назад на 1789 год», «после 1815 г. наступил период абсолютистской реакции»⁸⁰. Такова же позиция Делдерфилда. «Имен-

⁷⁵ Сорель А. Европа и Французская революция. СПб., 1908. Т. 7. С. 488, 500; Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1913. Т. 3. С. 552; Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Ростов н/Д., 1995. Т. 1. С. 18.

⁷⁶ Тюлар Ж. Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 366.

⁷⁷ Вейдер Б. Наполеон. Человек, изменивший лицо Европы. М., 2001. С. 258.

⁷⁸ Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М., 1956. С. 401 и др.; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1938. Т. 4. С. 388.

⁷⁹ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000 (рус. пер. с англ. изд. 1967 г.). С. 12, 16, 22.

⁸⁰ Исдейл Ч. Наполеоновские войны. Ростов н/Д., 1997. С. 429, 443.

⁷⁰ Байрон Д. Собр. соч.: [В 4 т.]. М., 1981. Т. 2. С. 70, 80, 85.

⁷¹ Байрон Д. Полн. собр. соч. СПб., 1905. Т. 3. С. 152.

⁷² Байрон Д. Собр. соч. Т. 1. С. 336, 360, 500; Т. 2. С. 115, 222; Т. 3. С. 237.

⁷³ См.: Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1845. Т. 5. Р. 336, 337, 359–360, 409, 411.

⁷⁴ См.: Driault E. Napoléon et de l'Europe. Paris, 1945. Т. 5: La Chute de l'Empire (1812–1815). Paris, 1927. Р. 23; Madelin L. Histoire du Consulat et de l'Empire. Paris, 1945. Т. 5. Р. 235–240; 242–244.

но их усилия, – пишет он об Александре I и его партнерах по коалициям 1813–1815 гг., – задержали социальное и политическое развитие Европы на два, а то и на четыре поколения»⁸¹.

В необозримой массе литературы, так или иначе относящейся к нашей теме, есть труды с нейтральными оценками антинаполеоновских коалиций (без акцента на агрессивном или освободительном, прогрессивном или реакционном характере войн 1813–1815 гг.) либо даже вообще без оценок. В числе их авторов – такие величины, как русские историки А.С. Трачевский и Г.В. Вернадский, француз А. Жомини, немцы К. Клаузевиц и А. Фурнье, американец В. Слоун, швейцарцы Ф. Кирхейзен и А. Валлоттон⁸².

Итак, кто же был ближе к истине в оценке антинаполеоновских коалиций 1813–1815 гг.? Каковы были смысл их создания, цели и характер деятельности? Найти ответы на эти вопросы нетрудно: достаточно лишь вчитаться в тексты многочисленных (особенно секретных) документов коалиций, уже стократно публиковавшихся и вполне доступных исследователям, а также всмотреться в плоды коалиционных усилий.

Начать следует с III и IV коалиций 1805–1807 гг., ибо они эскизно начертали ту программу территориального раздела и социального передела Европы, которую в 1815 г. узаконит Венский конгресс. Все эти, как и последующие документы антинаполеоновских коалиций, полны фраз о намерении коалиционеров освободить Францию «от цепей» Наполеона, а другие страны – «от ига» Франции, обеспечить «права и свободу», «спокойствие и благосостояние», даже «счастье» европейских народов и всего «страдающего человечества» (курсив мой. – Н.Т.)⁸³.

⁸¹ Делдерфилд Р. Закат империи. М., 2002 (рус. пер. с англ. изд. 1968 г.). С. 57.

⁸² См.: Трачевский А.С. Наполеон I. СПб., 1900; Вернадский Г.В. Русская история. М., 1997; Жомини А. Политическая и военная жизнь Наполеона. 3-е изд. СПб., 1844. Ч. 2.; Он же. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 2; Клаузевиц К. О войне. М., 1936. Т. 1–2; Fournier A. Napoleon I. Wien, 1906. Bd. 3; Слоун В. Новое жизнеописание Наполеона. М., 1997. Т. 2; Kircheisen F. Napoleon I. Sein Leben und seine Zeit. München; Leipzig, 1911–1934. Bd. 8–9; Валлоттон А. Александр I. М., 1991.

⁸³ Внешняя политика России XIX и начала XX вв.: Документы российского мин-ва иностр. дел. Сер. I (1801–1815). М., 1960–1967 (далее – ВПР). Т. 2. С. 146–149, 368, 407, 430; Т. 7. С. 66; Т. 8. С. 243.

Эта гуманная фразеология коалиционных монархов – не более чем фиговый листок. Она вуалирует, но не может скрыть от исследователей их реальные задачи, которые сплавлены в два стержневых направления: 1) территориальное расширение, захват и грабеж новых земель – как минимум и господство в Европе – как максимум; 2) сохранение уцелевших на континенте феодальных режимов и восстановление свергнутых Французской революцией и Наполеоном.

Так, уже в русско-английской, русско-австрийской и русско-прусских (Потсдамской и Бартенштейнской) декларациях 1804–1807 гг. и в инструкциях Александра I его дипломатам тех лет планировался раздел Турции между Россией и Англией, а раздел Германии – между Россией, Пруссией и Австрией с передачей львиной доли России⁸⁴. В документах VI и VII коалиций (в союзной конвенции между Россией, Пруссией и Австрией от 27 июня 1813 г., инструкция Александра I и др.) предусматривались: «уничтожение герцогства Варшавского и раздел входящих в его состав провинций между Россией, Пруссией и Австрией» (т.е. четвертый раздел Польши!); расширение Пруссии и Австрии за счет Данцига и Иллирии; присоединение Саксонии к Пруссии, Норвегии к Швеции и т.п.⁸⁵. Все это в расширенном варианте (плюс санкция Англии на захват французских колоний) освятил своей властью Венский конгресс⁸⁶. Секретарь Конгресса и автор ряда его деклараций Ф. Гентц с подкупающей откровенностью признал, что «истинной целью Конгресса был раздел между победителями добычи, захваченной у побежденных»⁸⁷.

Вместе с тем, все антинаполеоновские коалиции считали своим первоочередным делом защиту феодально-крепостнических порядков на континенте. «Поддержание законных (т.е. феодальных. – Н.Т.) правительств, которые до сего времени избежали косы революции», и «восстановление свергнутых (феодальных! – Н.Т.) государей в их прежних владениях» как один из

⁸⁴ См.: ВПР. Т. 1. С. 51, 89, 462–466; Т. 2. С. 149, 153, 182; Сборник Русского исторического общества (далее – РИО). Т. 70. С. 211; Архив кн. Воронцова. М., 1876. Т. 10. С. 270.

⁸⁵ См.: ВПР. Т. 7. С. 262, 564; Т. 8. С. 150.

⁸⁶ Подробно об этом см.: Зак Л. А. Монархи против народов. С. 286–301.

⁸⁷ Цит. по: Там же. С. 59–60.

основополагающих принципов внешней политики коалиционных держав – налицо и в русско-австрийской 1804 г., англо-русской 1805, русско-прусской 1807 г. декларациях, и в инструкциях Александра I своим дипломатам 1804, 1805, 1813, 1814 гг., и в личном письме российского самодержца Людовику XVIII Бурбону от 8 июля 1815 г.⁸⁸

Царизм – хозяин крупнейшей феодальной державы мира – оказался, как и следовало ожидать, самым пылким рыцарем этого принципа. Именно он энергичнее всех выступал за «индемнизацию» князей Священной Римской империи, т.е. за возмещение их территориальных потерь в борьбе с Францией⁸⁹; выделял ежегодное пособие в 75 тыс. рублей сардинскому королю⁹⁰; держал у себя в чести и славе многих «зубров» бежавшего из Франции феодального охвостья – герцогов В.-Ф. Брольи (которого сделал... российским фельдмаршалом!), А.-Э. Ришелье, М. Лаваля де Монморанси и А.-Ж. Полиньяка, маркизов И. Траверсе (назначенного военно-морским министром России!) и Ж. д'Отишана, графов Э. д'Антрэга, М.-Г. Шуазеля-Гуффье, К.О. Ламберта, А.Ф. Ланжерона, Л.П. Рошешуара, Э.Ф. Сен-При и десятки других, менее крупных, а их патриарха, будущего короля Людовика XVIII, изгнанного в 1801 г. Павлом I из России (где он жил с 1797 г., получая по 200 тыс. рублей в год), Александр I вернул в Россию и содержал его придворный штат из 80 человек за счет русского народа⁹¹. В марте 1807 г., отправляясь на войну против Наполеона, Александр навестил Людовика и заявил ему, что «день, когда он водворит его во Франции,

будет счастливейшим днем его (Александра I. – Н.Т.) жизни»⁹². Этого дня обоим пришлось ждать долгие 8 лет, пока, наконец, царь смог поздравить короля «с блестящим успехом» феодальной реставрации⁹³.

Что же получили народы Европы и все «страдающее человечество» в результате победы коалиционных монархов над Наполеоном? Освободив народы от наполеоновского диктата, от Кодекса Наполеона, отменявшего крепостное право, инквизицию, социальные барьеры, победители подмяли их под ярмо феодализма с крепостным правом (как в России и в ряде германских государств), инквизицией (в Испании, Португалии, Папской области) и прочими «свободами». Чтобы закрепить и увековечить это ярмо, они создали Священный союз, инициатором и главой которого стал Александр I как «караульный часовой чужих престолов против народов»⁹⁴. На словах Союз обязался перед «Богом-спасителем» окружить своих подданных «нежнейшим попечением» и «во всяком случае и во всяком месте подавать друг другу помощь»⁹⁵. На деле, как показали все конгрессы Священного союза, эта религиозно-мистическая фразеология прикрывала конкретную, насквозь земную цель – сообща давить «во всяком месте» Европы «всякий случай» сопротивления новым (точнее, восстановленным *старым*, дореволюционным) режимам. Один из столпов Священного союза К.В.Л. Меттерних прямо говорил: «В Европе есть только одна проблема – революция»⁹⁶.

Решить эту проблему феодальные монархи так и не смогли. Их потуги душить любое неприятие реставрации повлекли за собой буквально шквал – затянувшийся более чем на четверть века! – восстаний и революций: 1820 г. – в Испании, Португалии, Неаполе, 1821 г. – в Пьемонте и Греции, 1830 и 1848 гг. – во Франции, 1848–1849 гг. – в Австрии, Пруссии, Венгрии, Саксонии, Бадене, Вюртемберге, Сицилии, Сардинии, Ломбардии, Венеции и др. Добавлю к этому перечно восстание декабристов в России 1825 г.⁹⁷

⁸⁸ См.: ВПР. Т. 1. С. 51, 53, 89, 91; Т. 2. С. 147, 182, 374; Т. 3. С. 562, 563; Т. 7. С. 308, 499; Т. 8. С. 418; РИО. Т. 70. С. 202, 216, 222; Архив кн. Воронцова. Т. 10. С. 270, 273.

⁸⁹ См.: ВПР. Т. 1. С. 121–125.

⁹⁰ См.: *Сироткин В. Г.* Из истории внешней политики России в средиземноморье // Исторические записки. 1960. Т. 67. С. 216. О реальной цене этих 75 тыс. можно судить по тому, что годовое содержание офицера самого аристократического Кавалергардского полка в России обходилось тогда в 4 тыс. рублей (см.: *Местр Ж. де.* Петербургские письма 1803–1812. СПб, 1995. С. 135).

⁹¹ См.: ВПР. Т. 1. С. 220–221; Людовик XVIII в России // Русский архив. 1877. № 9. С. 58, 60.

⁹² Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 2. С. 165.

⁹³ См.: ВПР. Т. 8. С. 418.

⁹⁴ *Ключевский В.О.* Соч.: [В 9 т.]. Т. 5. С. 427. Курсив мой. – Н.Т.

⁹⁵ ВПР. Т. 6. С. 518.

⁹⁶ Цит по: *Зак Л.А.* Указ. соч. С. 48.

⁹⁷ Об этой стороне дела явно не думает В.М. Безотосный, ставящий в заслугу коалиционерам тот

В конечном итоге Священный союз политически обанкротился и, что называется, приказал долго жить.

Конечно, и диктат Наполеона не был для европейских народов благом. Наполеон навязывал им свою волю, политическую и экономическую зависимость от Франции. Но, во-первых, идеи, установления, акты Наполеона вели начало от Французской революции XVIII века и были неизмеримо прогрессивнее всего содеянного антинаполеоновскими коалициями; не случайно сам Наполеон отождествлял себя с революцией («Я – французская революция»⁹⁸), а передовые умы Европы называли его «сыном революции»⁹⁹, как не случайно и то, что феодальные монархи объявили его «врагом человечества»¹⁰⁰. Это – первое.

Во-вторых, именно Наполеон, опережая свое время на полтора столетия, выдвинул и пытался реализовать идею европейской интеграции. О будущей единой Европе он говорил как о «прекрасной мечте цивилизации»: «Всюду единство законов [...] Общеввропейский кодекс (разумеется, Code Napoleon! – Н.Т.), общеввропейский суд, одна монета, один вес, одна мера [...] Вся Европа – одна семья, чтобы всякий европеец, путешествуя по ней, был бы везде дома»¹⁰¹.

«Никогда не возникало замысла более великого и благодетельного для цивилизации, – восторженно комментировал эти планы Наполеона Д.С. Мережковский, – и никогда еще не был он ближе к исполнению»¹⁰². Восторг Мережковского, конечно, чрезмерен, но понятен и в какой-то степени оправдан. Наполеон стремился к европейской интеграции, которую он сам деспотически контролировал бы, но, как бы то ни было, толкал он Европу вперед, к современным ценностям, унаследованным от Французской революции¹⁰³, а не назад, в дореволюционное средневековье. Что же касается его деспотизма, то действовал он даже «наполовину не так деспотически, как имели обычай поступать те князья и дворяне, которых он пустил по миру», да и «легче переносить деспотизм гения, чем деспотизм идиота»¹⁰⁴, каковых среди правителей мира тогда (впрочем, и теперь тоже) было очень много.

Возвращаясь к началу статьи и к эпиграфу К. Маркса. Выходит, мало соглашаться с Марксом в том, что всем антинаполеоновским войнам свойственно было сочетание духа возрождения с духом реакционности. Надо признать, что войны феодальных коалиций 1813–1815, как и 1805–1807 гг., против Наполеона были гораздо более реакционными, чем освободительными, соглашаясь в таком признании с другим (нашим, отечественным) гением человеческой мысли. А вот его слова: «Я не могу равнодушно пройти мимо гравюры, представляющей встречу Веллингтона с Блюхером в минуту победы под Ватерлоо; я долго смотрю на нее всякий раз, и всякий раз внутри груди делается холодно и страшно [...] Ирландец на английской службе, человек без отечества, и пруссаки, у которого отечество в казармах, приветствуют радостно друг друга; и как им не радоваться, ведь они только что своротили историю с большой дороги по ступицу в грязь, в такую грязь, из которой ее в полвека не вытащат»¹⁰⁵.

факт, что с 1815 г. «Европа около полвека не знала крупных войн» (Отечественная война 1812 г. и российская провинция. Малоярославец, 2003. С. 11). Да и войны России с Ираном (1826–1828 гг.) и Турцией (1828–1829 гг.) не были маленькими.

⁹⁸ Мемуары г-жи де Ремюза (1802–1808). М., 1912. Т. 1. С. 223.

⁹⁹ Герцен А.И. Собр. соч.: [В 30 т.]. Т. 1. С. 34; Тютчев Ф.И. Соч.: [В 2 т.]. М., 1980. Т. 1. С. 112; Стендаль. Собр. соч. Т. 14. С. 53; Гейне Г. Собр. соч.: [В 10 т.]. Т. 5. С. 408.

¹⁰⁰ Московские ведомости. 1815. 31 марта.

¹⁰¹ Las-Cases E. Le memorial de Sainte-Helene. Paris, 1894. Т. 3. Р. 298; Т. 4. Р. 153, 211.

¹⁰² Мережковский Д.С. Наполеон. М., 1993. С. 25.

¹⁰³ Как и самый Кодекс Наполеона, поныне действующий в самых демократических странах Европы (во Франции, Италии, Бельгии, Голландии, Швейцарии).

¹⁰⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 563; Т. 6. С. 163.

¹⁰⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: [В 30 т.]. Т. 11. С. 245.